

К 1295567

На правах рукописи

Желтов Андрей Александрович

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ
НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕЙ ВАГИ И СРЕДНЕЙ
СУХОНЫ (XIX — начало XX вв.)**

Специальность 07.00.07

Этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва
2000

Работа выполнена в Отделе этнологии русского народа
ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Научный руководитель --- доктор исторических наук И.В. Власова

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук Л.Б. Заседателева,
кандидат исторических наук Т.В. Лукьянченко

Ведущая организация --- Пермский государственный университет

Защита состоится «6.» июня 2000 г. в 14³⁰ часов на заседании
диссертационного совета К 002.76.01 по защите диссертаций на
соискание ученой степени кандидата исторических наук при
Институте этнологии и антропологии РАН по адресу:
117 334, Москва, Ленинский проспект, 32-А, корп. В.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института этнологии и антропологии РАН.

Афтореферат разослан «21.» апреля 2000 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

кандидат исторических наук

Л.В. Остапенко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность темы. Изучение формирования населения Сухонско-Важского бассейна и развития его культуры имеет немаловажное значение для решения более широких проблем исторической этнографии русского народа. Обращение к вопросам историко-культурного развития северных территорий актуально до сих пор, поскольку их пониманию еще много неясного, а в целом остаются нерешенными некоторые узловы́е моменты этнической истории русских, вопросы формирования и сохранения их народной культуры. Привлечение для исследования этнографии, ее материалов и методов, наряду с общепринятыми историческими подходам, должно помочь прояснить остающиеся малоизученными многие стороны культурной истории русских. Именно исследование таких аспектов важно для понимания и того места, которое занимает в нем культура севернорусского населения.

Рассмотрение этой темы применительно к населению Сухонско-Важской земли имеет не узорегиональное значение, поскольку этот район является центральной частью обширного региона Русского Севера, и в культурном развитии его жителей имеется много общего с культурой русских всего Севера и территорий, освоенных северянами (Урала, Сибири и др.), а в целом и с общерусской культурой. Факты рассмотренные в работе, помимо локальной проблемы заселения Русского Севера и развития культуры его жителей позволяют с новых позиций взглянуть на культурогенез русского народа. Отмеченные культурные процессы нельзя назвать простыми и прямолинейными, т.к. на их протекание влияло очень много факторов, и результат оказывался зачастую неожиданным.

Разные по происхождению местные культурные особенности, выявленные в ходе работы (перечень которых еще возможно и необходимо дополнить), позволяют проанализировать традиционную культуру русских других территорий.

Таким образом, изучение Сухонско-Важской области предпринятое в работе, является одним из направлений исторической этнографии русского народа — региональной севернорусской этнографии, актуальность и важность проблем которой в решении глобальных вопросов русской этнографии становится очевидной и бесспорной для исследователей на современном этапе развития науки.

Территориальные и хронологические рамки работы. Территория верхней Ваги и средней Сухоны, являющаяся частью Русского Севера, по административному делению в XIX — начала XX века соответствовала Тотемскому и Вельскому уездам Вологодской губернии. В настоящее время это Верховажский, Гарногский, Тотемский и восточные окранны

Вожегодского, Харовского, Сокольского, Междуреченского районов Вологодской области, а также Вельский, Коношский и Устьянский районы Архангельской области.

В истории Севера, в его освоении славяно-русским населением этот край сыграл определенную роль. Через бассейны рек Сухоны и Ваги с древнейших времен проходили транзитные миграционные пути. Край этот, как и многие северные места, заселялся несколькими колонизационными потоками — со стороны древнего Новгорода и Ростово-Суздальской земли, и пути славянской колонизации шли по разным магистралям. Сухонско-Важская территория частью этих маршрутов. В частности, здесь скрестились зоны расселения два славянских колонизационных маршрута: новгородский и “низовской” (по отношению к Новгороду — с верхней Волги). Именно здесь проходил путь из верхневолжских районов и на Север — через бассейны Сухоны и Ваги на Северную Двину и далее до ее низовьев и побережья Белого моря.

Исследуемый край интенсивно заселялся в период славянского продвижения на Север в XIII-XIV вв. и его население формировалось на основе нескольких этнических компонентов — автохтонного (финно-угорского) и двух славянских (новгородского и “низовского” ростово-суздальского).

На Севере происходило не сплошное, а очаговое заселение территорий и, благодаря размещению населения на отдельных, иногда изолированных друг от друга участках, у этого населения появилось и долгое время сохранялось культурное своеобразие. Наличие здесь самобытных культурных ареалов, обусловленных характером заселения районов и происхождением местного населения, даёт некоторую возможность прояснить их раннюю этническую историю. Анализ ряда элементов традиционной культуры населения верхней Ваги и Сухоны, предпринятый в настоящей работе, восполняет некоторые неясные моменты его истории, показывает колонизационные маршруты и позволяет локализовать области расселения различных этнических групп в древности.

Хронологические рамки работы охватывают XIX — первую половину XX века. Исследование проводилось по доступным для анализа материалам этого времени. Но для понимания генезиса культурных явлений было предпринято ретроспективное рассмотрение этих поздних материалов. Оно преднамеренно было ограничено во времени пределами последнего тысячелетия — эпохой славянской колонизации Севера, хотя на основании тех же материалов можно судить и о событиях гораздо большей древности. Для целей настоящего исследования принятые хронологические рамки оказались достаточными и оправданными.

Цель и задачи работы. Цель работы — методами, доступными этно-

графии. на материалах XIX-XX вв. проявить культурный след, оставленный различными этнокультурными группами, принимавшими участие в сложении населения бассейнов Сухоны и Ваги, и таким путем определить районы их расселения в далеком прошлом. Для этого предполагаю выявить в традиционной культуре населения Присухонья и Поважья древние элементы, имеющие различное этнотерриториальное происхождение, а также проследить ареалы таких культурных особенностей и связь их ареалов с местами расселения на исследуемой территории различных этнических и субэтнических групп, вошедших в состав северного русского населения. Путем такого рассмотрения уточнялись границы расселения различных этнических групп периода славянской колонизации и в некоторой степени прослеживались этапы заселения края.

Задачи работы были следующие:

1) Среди местных культурных особенностей выбрать те, которые ведут свое происхождение из культуры населения тех или иных территорий и уточнить "современную" географию их бытования. Такие "блоки" культурных особенностей можно использовать для ретроспективного анализа традиционной культуры не только изучаемой территории, но и других районов России.

2) Проследить районы бытования выбранных культурных особенностей на территории бывших Тотемского и Вельского уу. Вологодской губернии и сопоставить их с областями расселения конкретных древних этнических групп. Выявить совпадения или несовпадения этих ареалов, а также факторы, повлиявшие на изменение очертаний культурных ареалов.

3) Рассмотреть процессы, формировавшие традиционную культуру исследуемой территории: привнесение, инновации и заимствование тех или иных особенностей; эволюцию; сохранение реликтов и параллельное функционирование сходных по значению, но различных по происхождению, элементов культуры; иерархию сфер народной культуры по консервативности; влияние моды.

Изученность проблемы.

Направление, выбранное в работе, — реконструкция отдельных моментов истории заселения Сухоны и Ваги через этнокультурный анализ местных традиций — в научной литературе для этой территории было мало разработано. Из этнографических работ наиболее ему соответствует статья Г.С. Масловой "Об особенностях народного костюма населения Верхнедвинского бассейна в XIX — начале XX в.", в которой дается полный анализ происхождения различных деталей традиционной одежды населения бассейна Сухоны. В этой работе впервые выделяется пласт западнорусских культурных традиций в народном костюме местного населения. Г.С. Маслова прослеживает в пре-

делах рассматриваемой ею территории и ареалы различных особенностей крестьянской одежды, благодаря чему проявляются районы расселения здесь в древности различных этнических групп.

В работах М.В. Витова, посвященных колонизации Русского Севера славянами, различные этнографические особенности рассматриваются как показатель хода заселения территорий. Им был накоплен и обработан в виде карт обширный материал по культурно-хозяйственным традициям населения всего Русского Севера ("Этнография Русского Севера." М., 1998 и др.). По эти материалам М.В. Витовым устанавливалось вхождение отдельных культурных ареалов в области новгородской или низовской его колонизации.

Во многом проведение настоящего исследования стало возможным благодаря существованию обширных обобщающих работ по культуре русского народа и восточных славян в целом, представленных в "Восточнославянском этнографическом сборнике" (М., 1956.) и в книге "Русские: историко-этнографический атлас" М., 1956), в которых на огромном количестве этнографического материала рассмотрено происхождение различных культурных традиций и ареалы многих особенностей построек, одежды и земледелия. При работе над темой настоящего исследования использовались разделы, написанные Л.М. Сабуровой, М.Д. Горен (системы земледелия; способы уборки хлебов), Е.Э. Бломквист, О.А. Ганцкой, Л.Н. Чижиковой (особенности жилища и хозяйственных построек), Н.И. Лебедевой, Г.С. Масловой (одежда русских крестьян). Большой этнографический материал обобщен в фундаментальном труде "Русские" (серия "Народы и культуры". М., 1997; 1999), в котором значительное место занимают разделы по севернорусской народной культуре.

За исключением капитальных научных трудов, основная часть краеведческой и этнографической литературы, и в частности о традициях населения бассейнов рек Сухоны и Ваги, носит описательный характер. Больше всего имеется работ, издававшихся за период в два столетия -- начиная с конца XVIII века, в которых рассматриваются особенности хозяйства у населения этой территории. Причиной их появления была деятельность Вольного Экономического общества, которое со второй половины XIX века интересовалось экономикой крестьянских хозяйств на Севере и перспективами увеличения урожайности. Самым ранним описанием, рассматривающим вопросы хозяйствования, из представляющих для нас интерес, было сочинение П.И. Челищева, содержащее его наблюдения, сделанные им в экспедиционной поездке в 1791 году.

В середине XIX века появились описания особенностей крестьянского земледелия в разных уездах Вологодской губернии — Э.Е. Лоде (1843 г.) и Ф. Кена.

Значительно позже (в 1984 г.) исследование особенностей традиционного хозяйствования (земледелия и поземельной практики) севернорусского населения, в т.ч. и данной территории, было представлено в книге И.В. Власовой “Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII-XVIII вв.”.

Особенности крестьянского жилища и построек Важской земли были подробно описаны в 1913 году М.Б. Едемским. В этой работе он подчеркнул различия в строительных традициях населения Поважья и соседних земель. В 1924 году отсутствие описаний крестьянских жилищ по Сухоне попытался восполнить Д.П. Осипов в своей книге “Крестьянская изба”. Позднее в 1966 году, по результатам экспедиции Института этнографии, свою характеристику крестьянским постройкам бассейна Сухоны дала А.В. Сафьянова.

По другим формам материальной области Сухоны, в частности по традициям народной культуры питания, есть две специализированные работы Т.А. Ворониной. А из исследований, посвященных традиционной одежде описываемой территории, можно назвать только уже упоминавшуюся статью Г.С.Масловой.

Но существует некоторое количество работ комплексного характера, затрагивающих хозяйство, пищу, одежду и постройки населения какого-либо отдельного района. Из дореволюционных статей можно отметить работы А.А. Шустикова, посвященные северу Кадниковского и западу Вельского уездов (этнографические очерки “Троищина” — 1892 г. и “Тавреньга” — 1895 г.), и В.Т. Попова, описывающие быт населения Кокшеньги. Фундаментальный труд Н.А. Иваницкого “Материалы по этнографии Вологодской губернии” (1890 г.) при всем обилии фактического этнографического материала для наших целей был мало использован, т.к. в нем не всегда имеются точные указания на места, к которым относятся описания.

Сведения по народным традициям, включая особенности построек, одежды, хозяйства и пищи кокшаров (жителей области Кокшеньги — части Поважья) есть в книге исследователя Севера А.А. Угрюмова “Кокшеньга”. Культуре населения района, вдоль верхнего течения р. Сухоны посвящена статья В.А. Липинской, написанная по материалам экспедиции 1986 года.

Источники. При работе над темой использовались самые разнообразные источники информации по традиционной культуре населения Присухонья и Поважья XIX-XX вв. Прежде всего это фонды архивов (1. Государственного архива Вологодской области, 2. Российского государ-

ственного архива древних актов, 3. Архива Российского Этнографического Музея -- этнографическое бюро князя В.Н.Тенишева), в которых привлекались сообщения конца XIX -- начала XX вв. о быте и культуре крестьян разных местностей, исторические документы, экономические примечания и картографические материалы Генерального межевания 1766-1861 гг. и статистические данные. Существенным подспорьем были и статистические ведомости Памятных книжек Вологодской губернии, а также сборники статистики начала XX века. Из печатных материалов привлекались еще этнографические заметки из Вологодских губернских ведомостей и сообщения земских врачей по своей территории. Использовались и вещевые коллекции из фондов музеев (Вологодского музея-заповедника, Тотемского краеведческого музея, Российского этнографического музея), особенно для изучения местных разновидностей народного костюма. Значительным источником этнографических материалов для данной работы явились собственные экспедиционные изыскания. В них данные собирались преимущественно методом опроса, чтобы зафиксировать уже ушедшие реалии крестьянского быта начала XX века

Научная новизна работы: Изучение традиционной культуры населения выбранных для настоящего исследования районов Присухонья и Поважья, с целью выяснить методами этнографии происхождения жителей разных мест, для этой территории пока не предпринималось. К новым результатам исследования можно отнести выявление ареалов отдельных элементов культуры, наиболее четко проявляющих сопряженность с областями расселения таких исторических групп населения, как словене новгородские, кривичи, летописных вятичей, чуди и мери. Для территории Сухоны и Ваги был проведен анализ этнографических данных и при этом были выявлены древние культурные пласты в традициях местного населения. Поднятые в работе вопросы традиционного быта важны для решения проблем русской исторической этнографии, ибо при их рассмотрении прояснились и особенности многих культурных процессов, что позволяет лучше понять механизмы сложения традиционных культур.

Методика исследования. Для целей исследования были применены различные подходы и методы работы. Прежде всего, был произведен отбор некоторых форм народной культуры, развитие которых возможно проследить с древнейших времен, и особое внимание обращалось на те их элементы, которые сохранили самые старые (древние) особенности. Затем было проведено сравнение местных традиций с подобными, существовавшими в других землях, и выявлялись сходные черты в них. Следующим этапом было определение ареалов выбранных элементов культуры и нанесение их на карты.

Картографический метод, примененный в работе, помог понять сущность многих культурных явлений, происходивших в изучаемом крае и на Севере в целом. По ареалам, показанным на картах, обнаруживается совпадение областей расселения древних этнических групп и мест бытования определенных культурных традиций. Именно такой метод работы приобретает особую важность для выяснения вопросов происхождения населения того или иного района и его культуры.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании Отдела этнологии русского народа Института этнологии и антропологии РАН и на заседании Кафедры экономической географии Вологодского государственного педагогического университета. Основные результаты исследования были представлены в докладах на следующих конференциях, семинарах и конгрессе: 1) Научные чтения памяти П.А. Колесникова. Вологда. ВГПУ. Октябрь 1997 г.; 2) Древнерусская культура в мировом контексте. Археология и междисциплинарные исследования. Москва. РГГУ. 19-21 ноября 1997 г.; 3) Традиционная славянская культура в современном мире. Москва. Государственный республиканский центр русского фольклора (ГРЦРФ). 19-21 мая 1998 г.; 4) Фольклор и художественная культура: история и современность. Москва. ГРЦРФ. 25-27 ноября 1998 г.; 5) Семинар "Типы и виды традиционного русского застолья." Москва. ГРЦРФ. 25 марта 1999 г.; 6) Славяне и их соседи. Межславянские взаимоотношения и связи. Средние века — раннее Новое время. 18-я международная конференция памяти В.Д. Королюка. Москва. Ин-т славяноведения РАН, 24-26 мая 1999 г.; 7-8) III Конгресс этнографов и антропологов России. Москва. ИЭА РАН. 8-11 июля 1999 г. (2 доклада); 9) Русская народная культура и ее этнические истоки. 1-й Международный научно-методический семинар. Пошехонье. 1-8 августа 1999 г.; 10) Важский край в истории России: прошлое и настоящее. Вельск. Вельский краеведческий музей. 3-5 ноября 1999 г.

Практическая и теоретическая значимость работы. В работе рассмотрены малоизученные вопросы региональной русской этнографии — этнокультурное развитие населения Присухонья и Поважья. Наблюдения и результаты такого исследования можно использовать для расширения имеющихся достижений в этой области.

В исследовании были выявлены ареалы различных культурных традиций на Вологодчине, восходящих к наследию различных регионов. Такие ареалы в самом общем виде воспроизводят (калькируют) области расселения различных групп переселенцев здесь в древности. Карты этих ареалов могут послужить первичной основой для работы историков, археологов и диалектологов, т.к. позволяют определить многие особенности в культурно-историческом развитии местного населения. Выполненное в диссертации

картографирование культурно-этнографических ареалов на территории Русского Севера может служить дополнением для осуществленного в 1960-х годах картографирования народной культуры, итоги которого были зафиксированы в историко-этнографическом атласе "Русские" (М., 1967.). Настоящее исследование уточняет данные, приводимые в этом атласе по районам Русского Севера и особенно в пределах бассейнов Сухоны и Ваги.

Выделенные в работе культурные особенности с определенным этническим (субэтническим) происхождением, можно рассматривать в качестве маркеров хода заселения и других территорий в Европейской части России.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав и заключения. В первой главе разбираются вопросы особенностей традиционного хозяйства и пищи; во второй — жилых и хозяйственных построек. Третья глава освещает отдельные детали народной одежды.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, формулируются основные задачи и методика работы, даются ее территориальные и хронологические границы, степень изученности проблемы, а также кратко освещается этническая история описываемой территории, этапы ее заселения и направления миграций.

В первой главе — "Культура хозяйствования и питания севернорусского населения как свидетельство его этнической истории" — рассматриваются вопросы происхождения местных особенностей хозяйствования и традиционной пищи и их происхождения из культуры древних этнических групп обитавших здесь или переселявшихся в этот край. Объединение в одной главе двух тем — хозяйствования и питания вызвано прямой зависимостью между ними. В хозяйственных и пищевых традициях лучше, чем в других сферах народной культуры, сохранились наиболее древние по времени происхождения особенности.

В первой части этой главы — "Хозяйственные традиции крестьян в XIX – XX вв." — отмечается, что большинство сортов растений и пород животных, использовавшихся в хозяйствах вологодских крестьян, не являются окультуренными или одомашненными на месте, а появились с приходом сюда разных групп мигрантов в ходе заселения края.

Затем рассматриваются системы земледелия (подсечная и трехпольная), применявшиеся вологодскими крестьянами и выявляются местные традиции хозяйствования. Рассмотрение в деталях подсеки и трехполья позволяет понять многие особенности годового крестьянского хозяйственного цикла. Кроме того, здесь рассматривается вопрос, поднятый еще в XIX веке исследователями местных земледельческих традиций, о

том, что подсечное земледелие в Вологодской губернии связано с наследием дославянского финно-угорского населения.

Эволюцию же местного земледелия хорошо демонстрирует пример травосеяния, не связанного с "этническими корнями", распространение которого удалось проследить с его начала (в XVIII веке травосеялка тимофеевка (*палочник*) высевалась только в одной местности в изучаемом крае — по средней Сухоне).

В следующем разделе рассмотрен набор зерновых культур, использовавшихся в крестьянских хозяйствах Вологодской земли, и их соотношение в посевах. Отмечено характерное для XIX-XX вв. преобладание среди зерновых овса и ржи, составлявших почти 90 % посевов, а оставшаяся доля приходилась на ячмень и пшеницу. Однако, анализируемый исторический материал показывает, что такое соотношение зерновых в посевах существовало и в предшествующие века, начиная по меньшей мере с XVI века. Отмечается зависимость ассортимента высеваемых зерновых культур, помимо культурно-исторических факторов, и от местных природных (агроклиматических) условий.

Отдельный параграф главы посвящен нормам посева различных культур в разных волостях Поважья и Присухонья, что наглядно демонстрирует территориальные различия в соотношении зерновых в посевах, существовавшее в конце XIX — начале XX века. Составленные по статистическим материалам 1903, 1908 гг., диаграммы на каждую волость, позволили выделить локальные участки в пределах Тотемского и Вельского уездов с повышением в посевах доли ячменя и пшеницы.

Для лучшего понимания, с чем связано возникновение в разных местностях тех или иных соотношений зерновых культур приводится справка о времени начала возделывания этих видов растений населением северной части Русской равнины. Так, время появления овса совпадает со временем продвижения сюда славян, рожь вошла в набор местных земледельческих культур за несколько веков до этого. До появления же ржи и овса основными зерновыми были пшеница и ячмень.

В заключение темы о зерновых культурах, проанализированы по статистическим материалам начала XX в. изменения от волости к волости обеспеченности крестьянских хозяйств собственным зерном в течение года. Для этого были составлены диаграммы, по которым можно судить, насколько продуктивным было земледелие в крестьянских хозяйствах той или иной волости, и сделать выводы о наличии тех или иных земледельческих традиций.

В следующем разделе речь идет об овощных культурах. Крестьянские огороды Вологодчины даже в начале XX века отличались скудным видовым

разнообразием. В огородах преимущественно выращивали картофель, редьку, лук, брюкву, репу, хрен, мак, хмель и реже капусту и морковь. Огурцы, свекла, помидоры и другие, выращиваемые в настоящее время населением вологодских земель культуры, появились уже в XX веке.

Далее в главе уделяется внимание и волокнистым культурам: конопле и льну. Конопля появилась на Вологодчине из более южных районов и получила некоторое распространение только в отдельных местностях. Повсеместно же преобладало возделывание льна. Лен, пожалуй, самая древняя культура Русского Севера. Известны находки семян и волокон льна, а также приспособлений для его обработки на стоянках неолита в пределах Вологодской области. Примечательно, что на протяжении 4 тысяч лет орудия обработки льна почти не изменились. Это позволило предположить, что технология его обработки сохранилась еще от столь отдаленных эпох, а значит ареалы *льна-стланца* и *льна-моченца*, зафиксированные по материалам XX века, возможно, воспроизводят границы древнейших этнокультурных областей, существовавших в период неолита.

В хозяйственных традициях подмечены и другие закономерности, которые с большей уверенностью можно соотнести с расселением в прошлом на территории края тех или иных этнических (субэтнических) групп населения. Очень показательны в этом плане различия в способах укладки сена и хлебов в поле, отмечавшиеся как в разных регионах России, так и в отдельных местностях Русского Севера. На территории Вологодской области в северных ее районах сено на лугах часто укладывалось в длинные стога — *зароды*, а в южных — были известны только *круглые* стога яйцеобразной формы, соорудившиеся вокруг одной жерди — *стожары*. Примечательно, что длинные стога (зароды) редко встречаются в центральной России, но широко распространены в западных ее районах, в Белоруссии и в новгородских землях. Район же бытования их на Русском Севере совпадает здесь с областью расселения новгородских колонистов в XII-XVI вв. (Прионежье, северное Белозерье, система р. Онеги, бассейны рр. Ваги, Северной Двины и Юга). Поэтому можно считать, что наличие длинных стогов в традициях населения разных районов Севера, является маркером присутствия среди населения этих мест потомков новгородцев. Круглые же стога несомненно “пришли” на Север из центральной России, но было ли это связано с низовской колонизацией или гораздо более ранними по времени миграциями населения, сказать пока сложно.

Пользуясь материалами историко-этнографического атласа “Русские”, удалось сопоставить ареалы различных способов укладки хлебов, известных русскому народу, с районами изначального обитания и последующего расселения различных исторических этнических групп.

Так, способ укладки снопов хлеба *в кресцы*, скорее всего, имеет южно-русское происхождение, а прием укладки *в бабки* возник в западнорусских областях. Последний прием получил распространение в центральной России (должно быть с расселением сюда кривичей) и на Архангельской Севере (по путям следования новгородцев). Способ же укладки хлебов в суслоны, несмотря на свое славянское название, по-видимому восходит к культуре дославянских финно-угорских народов, проживавших в бассейнах Верхней Волги и Северной Двины. Подобные выводы напрашиваются при сравнении этнографических и исторических карт.

На исследуемой территории зафиксирована только укладка в суслоны, тогда как севернее (в Архангельской губ.) и южнее (в Ярославской губ.) встречалась еще и укладка в бабки.

В завершении темы о хозяйствовании крестьян Вологодской земли рассматриваются особенности пород местного скота, его использование и количество в среднем на крестьянский двор. Среди особенностей пород коров отмечается их малая удоиность. Причиной этого было подчинение животноводства нуждам местного земледелия, ведущегося по системе трехполья, когда скот разводили для получения удобрения (навоза).

Особо отмечается традиция отсутствия свиноводства, встречавшаяся в западных (Вологодском, Грязовецком, Кадниковском) уездах Вологодской губернии и в том числе в западной части описываемой территории. В восточных уездах (Великоустюжском и Никольском) в некоторых крестьянских хозяйствах свиней держали, что можно объяснить только, что привнесением западно- или южнорусских культурно-хозяйственных традиций. Давние традиции свиноводства известны у населения украинско-белорусских и соседних с ними западно-южнорусских мест, тогда как у населения центральной России (по крайней мере в XIX — начале XX вв.) они почти напрочь отсутствовали. Для иллюстрации распространения этих традиций на территории Европейской части России в середине — второй половине XIX века нанесены на карту показатели количества поголовья свиней в крестьянских хозяйствах, приходившихся на сто человек населения.

В отношении отсутствия свиноводства во многих районах центральной и северной России в работе было высказано предположение о сохранении такого положения еще с дославянского периода истории края. На такую версию наводит, во-первых, география явления. Свиноводство отсутствовало в XIX веке преимущественно в тех районах, где в X-XI вв. проживали летописные финно-угорские племена. Во-вторых, до XX века в большинстве крестьянских хозяйств финнов-суоми в современной Финляндии свиней не разводили. В третьих, некоторые данные археологии можно также трактовать в пользу этого мнения. Однако, не исключается

и вариант, что отсутствие свиноводства могло возникнуть позднее, под влиянием каких-то пищевых запретов (напр., религиозных).

Во второй части главы — “Некоторые особенности традиционной пищи населения Присухонья и Поважья” — при рассмотрении местной народной кухни акцент сделан преимущественно на те ее блюда, которые имели конкретные ареалы и давнее происхождение. Особое внимание было уделено празднично-обрядовой пище, особо консервативной в рецептуре и сохранявшейся неизменной веками. Удалось проследить ареалы каш, употреблявшихся в дожиночной обрядности (в день сжатия последнего снопа хлеба — народный праздник урожая). В разных частях Вологодчины в этом случае употреблялись различные каши (что было отражено на картах). В южных и центральных районах современной Вологодской области и в прилегающих к ним территориях Ярославской, Тверской и Костромской областей для этих целей употреблялся *сальник*. В восточных же и соседних с ними территориях — *дижень*, в северных — *саломат*. Эти ареалы не соответствуют расселению славянских колонистов и, возможно, воспроизводят места, где жили различные группы дославянского населения края.

В главе рассмотрены некоторые кушанья из муки (теста). Целиком в пределах вологодских земель оказались ареалы *тетерок* (в этих местах кашки из муки) и некоторых видов пирогов (*родульки*, *мушники*). Из пирогов наиболее интересным был т.н. *блинный (круглый) пирог*. Характерный для традиций населения Пошехонского уезда, он встречался и в некоторых вологодских местностях (в волостях по рр. Кулой и Терменьга), что совпадает со старинными путями низовской колонизации Севера. Примечательно, что в там же не редко отмечается и бытование сальника, также имеющего происхождение из традиционной кухни населения ярославских земель.

Особое внимание уделено такому повседневному общерусскому блюду как щи. Вологодские щи в XIX-XX вв. не содержали капусты и готовились из овсяной крупы. Этим они сильно отличались от капустных щей, употреблявшихся крестьянами центральной России. Такое своеобразие щей связано с особенностями местного земледелия и огородничества.

Отдельный раздел I-ой главы посвящен пивоварению. При знакомстве с разнообразными этнографическими материалами удалось подметить, что пивоварение существовало не у всех групп восточных славян. Более того, даже русским крестьянам Тульской и некоторых мест Владимирской губерний, не говоря уж о населении многих западно- и южно-русских областей, пивоварение было не известно.

Район же, где встречалось пивоварение у русских, можно разделить на две области с разными способами и приемами варки пива. Так, в деревнях северной области пиво варили на улице или в специальных по-

стройках (*поварнях*) в деревянных чанах с помощью раскаленных на огне камней. В южной же области пиво варили только в домашних печах, в специальных глиняных горшках — корчагах. Корчажное пивоварение встречается и на севере, вместе с первым его способом, но именно в тех районах, куда в древности переселялись колонисты из ростово-суздальских земель. Поэтому, корчажное пивоварение для различных мест Русского Севера можно использовать как индикатор пределов расселения в прошлом представителей низовской колонизации. Способ же пивоварения раскаленными камнями происходит, по всей видимости, из культурных традиций населения северной части Русской равнины.

Глава вторая “Некоторые особенности жилых и хозяйственных построек крестьян в Присухонье и Поважье” посвящена вопросам происхождения различных элементов конструкции и планировок крестьянских сооружений.

В первой ее части рассматриваются различия в архитектуре, конструкции и использовании отдельных помещений жилого комплекса домадвора (избы, подклета, горницы, сеней, клетки, двухэтажного двора, зимовки и хлевов) в разных местностях изучаемой территории.

Дается описание жилого комплекса в деревнях Поважья, который во второй половине XIX — XX вв. был довольно однообразен: летняя изба (*перед*) и зимняя (*озадок*), а между ними находился двор (*середка*). В другом варианте вместо зимней избы существовала т.н. *зимовка*, которая чаще размещалась не на одной линии с летней избой и двором, а сбоку от двора. Последний вариант чаще встречался в западной части Вельского уезда.

В крестьянском жилом комплексе Важской земли второй половины XIX-XX вв. просматриваются самые разные традиции народной архитектуры. Летняя изба — обширное сооружение, на высоком подклете — несомненно является результатом эволюции дома, которая происходила в местах к северу от Верхней Волги. *Зимовка* — очень низкая постройка, с полом на уровне земли или даже с земляным полом, чем она похожа на жилища в южнорусских, приокских (Калужская, Тульская, Курская, Воронежская и др.) и западнорусских (напр., Смоленская) губерниях.

Самой интересной особенностью важных зимовок является их западно-южнорусская внутренняя планировка. Тип внутренней планировки уже давно считается в русской этнографии важным этноопределяющим признаком. Поэтому, появление в избах Поважья западно-южнорусской внутренней планировки, характерной в основном для жилищ населения Орловской, Калужской и Курской губерний, наиболее вероятно взаимосвязано с произошедшим еще в древности переселением населения из южной Руси.

Нечто похожее на южнорусский тип внутренней планировки встречалось и в жилищах соседнего с рассматриваемыми нами Кадниковского уезда, но в этом случае можно предполагать всего лишь видоизменение севернорусского внутреннего плана.

На западе и в центральной части Важской земли отмечается еще один тип внутренней планировки — центральное положение печи в избе. В связи с этим нужно вспомнить, что размещение печи в углу дома было характерно для древних сооружений разных групп восточных славян, тогда как в постройках дославянских финно-угорских народностей Русской равнины, как правило, отмечают центральное положение очага. Поэтому, вполне вероятно, что такое расположение печи в избах на Русском Севере может быть наследием культуры жилища его прежнего населения.

Рассматривается в работе и такой тип крестьянского дома, как двухэтажная изба. В конце XIX — начале XX века она представляла модификацию обычной избы на высоком полклете, где вместо подполья располагался первый жилой этаж.

В следующем разделе главы уделено внимание особенностям жилых построек Присухонья. По планировке этих крестьянских жилищ выделяется две области: 1) верхняя Сухона, 2) средняя и нижняя Сухона. Примечательно, что границы этих областей во многом совпадают с разделением, существовавшим в XIV-XVI вв. на землю Вологодскую и землю Оустюжскую. По наблюдению современников в XIX веке, в селениях по верхней Сухоне (Вологодский, Кадниковский и Тотемский уу.) встречались “серые, низенькие, крытые соломой избы”, а в оставшейся части Тотемского, в Устюжском и Сольвычегодском уездах — “избы красноватого цвета”. В описаниях начала XX века также отмечаются различия в конструкциях жилищ в селениях верхней Сухоне до города Тотьмы (вход зачастую с фасада, пол в сенях значительно ниже пола в избе) от расположенных ниже по ее течению.

Среди особенностей общей планировки некоторых жилых комплексов в Сухонском бассейне одной из самых интересных является отсутствие сеней. В этом случае в избу входили через *sarai* (верхнюю часть двора) по взвозу. Такой вход в дом — по взвозу из-за частого его бытования в жилище современных финно-угров некоторыми исследователями считается культурным наследием дославянских народов Русского Севера. Однако, более вероятным представляется возникновение этой традиции параллельно у русских и финно-угров Севера в ходе эволюции жилища

При наличии же сеней существовали два варианта входа: 1) крыльцо, 2) дверь в стене сеней и внутренняя лестница. Последний вариант имел распространение в домах средней части р. Сухоны (в приходе Мола

и по р. Илезе). Наружный вход в избах рассматриваемой территории был в виде крылец двух типов (на столбах и на срубе).

При изучении двора внимание было обращено на географию терминов *повить* (*повити, повесть*) и *сарай* применительно к верхней его части. Оба этих термина встречаются в разных местах Важско-Сухонской области. Весьма вероятным представляется, что крытые двухэтажные дворы возникли двумя путями, что нашло отражение в названиях. В первом случае — как сараи поднятые на столбах (этот путь развития рассматривался А.А. Шенниковым). Во втором случае, описанном Е.Э. Бломквист, — второй этаж в хозяйственном дворе возник путем отделения пространства под крышей дополнительным настилом (поветью).

В описываемом крае отмечается наличие двух традиций в содержании скота: помещение скота в избе и содержание его в подклете. По конструкции подклеты делились на два четко выраженных типа: *подполье* и *повит* (как их называли по-местному). Подпольем служило теплое помещение подклета, где содержались овцы, или рылась яма для хранения овощей и картофеля. В подвале хранили молоко, бочки с соленьями и различные продукты, или же он использовался как хранилище для вещей и одежды и как амбар под зерно. Вход в подвал устраивался с улицы. Вход в подполье из избы — люк в полу или голбец. В работе рассмотрены эти виды входа в подполье и показана их распространенность на Севере и по Сухоне и Ваге.

Рассмотрена в работе и такая культурно-территориальная особенность жилища, как соломенные завалины, о которых имеется мало сведений в описаниях. Они сооружались с наружной стороны стен изб для тепла на период зимних морозов. Такие завалины у домов были более характерны для Ярославской и Владимирской губерниях, и не использовались, например, в Новгородской земле. По территории современной Вологодской области, в продолжение их ареала с Верхней Волги, традиция встречалась в Череповецком и Грязовецком районах, а также в пределах бывшего Вологодского уезда. Но кроме того, они встречались по границе Великоустюгского и Тотемского уездов, а в Важской земле по реке Кулой аналогичные завалины вокруг изб сооружались из соснового *лапника*. Распространение этой традиции хорошо соотносится с путями, по которым шли ростовские колонисты на Север.

В изучаемом Сухонско-Важском бассейне было выделено несколько различных способов сооружения кровли на домах. Крыши крестьянских изб здесь различались по форме, конструкции и по материалу покрытия. Каждый из этих признаков, как и многие другие, можно назвать этнотерриториальным (ареальным), т.е. характерным для определенной области проживания того или иного этноса (маркирующим районы прежнего расселения древних этносов, участвовавших в формировании севернорусского населения).

Покрывтия крыш тёсом или соломой при определенной конструкции самих крыш имеют очень давнюю историю. Детали тесовых крыш (потоки, курицы, охлупни) были обнаружены при раскопках Новгорода и Ладоги IX – XII веков. Такое устройство крыши продолжало существовать и в XIX в. и преимущественно в районах прежних новгородских владений. Подобные крыши встречались и на постройках в северных районах Вологодчины, тогда как в южных ее районах “господствовали” двухскатные соломенные крыши, сооруженные *под жердь*. Последние были особенно характерны для крестьянских построек Верхней Волги, и из районов бывших Ярославской и Костромской губерний ареал соломенных крыш плавно продолжался в Вологодскую и в Череповецкий уезд Новгородской губернии. Восточная граница этого ареала проходила по западной оконечности Никольского уезда, а северная – по водоразделу рек Ваги и Сухоны.

Однако тесовые крыши в изучаемом районе были не только новгородские по происхождению. В Поважье изредка вместо охлупней, крепивших доски на крыше, применялись гнеты, располагавшиеся по обе ее стороны. Подобный способ крепления теса на крышах характерен для построек западных областей России. Поэтому, его появление в Поважье вероятно вызвано какой-то миграцией населения из тех мест, чему есть подтверждения в антропологическом и диалектологическом материале.

В некоторых местностях Вологодской губернии еще в XIX веке, кроме двухскатных, встречались и четырехскатные крыши с соломенным покрытием. Но такие крыши характерны только для построек южнорусских и юга центральных губерний (Московская и Пензенская).

Во второй части II-ой главы рассматриваются хозяйственно-бытовые постройки: овины, гумна, конюшни, амбары, сенные сараи, погреба, поварни, бани, лесные избушки, мельницы. Большая часть этих построек отмечена в работе в порядке обзора, но по возможности прослеживается их происхождение и эволюция. Так, удалось установить, что водяные мельницы появились в вологодских землях не позднее XVI века, а ветряные — XIX в.

Одной из обязательных построек крестьянской усадьбы, наряду с избой и овином, являлась житница (амбар). Термин *житница* в X — XX вв. обозначал зернохранилище, слово *амбар* использовалось для обозначения различных кладовок.

По конструкции амбары (житницы) в крестьянских усадьбах по Сухоне и Ваге были разных видов. Наиболее распространены были амбары с выступом-навесом над входом, формировавшимся вторым этажом или специальным кошелем. Аналогичные конструкции амбаров известны на Верхней Волге. Нижние венцы таких амбаров устанавливались прямо на земле. Альтернативный способ их установки — невысоко над землей на

столбах, характерный для более северных архангельских построек и происходящий из культуры древней Новгородской земли, на рассматриваемой территории не встречался.

В сухонских и важских селениях были отмечены два различных принципа размещения житниц. В первом случае, каждая житница располагалась неподалеку от жилища, во втором — житницы размещались группой за пределами селения.

Следующей рассмотренной постройкой были *сенники* (*сарай, сени, амбары*). Практика строительства сенных сараев в вологодских землях, вероятно, была заимствована от подобного опыта населения по северным притокам Верхней Волги. В местах новгородской колонизации существовали другие строительные традиции и в частности — на сенокосах вместо этих сараев сооружались особые стога — *зароды*.

Запольные избышки (избы), характерные преимущественно для Важской земли, выполняли отчасти те же функции, что и сенники, и встречались на разных с ними территориях.

Конюшни в XIX — XX веках не являлись обязательными постройками крестьянских усадеб. Лошадей держали на первом этаже двухэтажного крытого двора и отдельное помещение для их содержания не было необходимостью. Однако, конюшни как самостоятельные постройки сооружались крестьянами в селениях по Кокшеньге, что также можно расценивать как особую культурную черту.

В качестве примера эволюции усадьбы отмечены *скотные избы* — небольшие постройки, пристраивавшиеся сбоку к дому и служившие для приготовления корма скоту и его кормления зимой. В Важской области они начали появляться в середине XIX века, в прочих землях в начале XX века.

Отдельная часть II главы посвящена баням и баннным традициям, которые рассмотрены в деталях, т.к. наличие той или иной банной традиции характеризует генезис населения, проявляя целые страницы его этнической истории.

У населения разных районов Вологодской земли издавна встречаются две различные банные традиции (парение в печи и мытье в бане), восходящие к культурам определенных древних групп восточных славян или дославянского населения.

Мытье в печи было характерно для культуры населения более южных областей, находящихся в основном в границах старых Рязанского и в Владимиро-Суздальского княжеств (Рязанская, Тульская, Московская, Ярославская, Владимирская, Калужская губернии). В конце XIX — начале XX в. печь в функции бани, кроме среднерусских и южнорусских зе-

мель, использовалась к северу от Волги в Ярославской, Гверской, Костромской и в южных районах Вологодской и Новгородской губерний.

Ареал "банной" традиции, сложившийся к началу XX в., включает территорию, где в древности обитали две группы восточных славян - кривичи и словене новгородские, а также же области, заселенные ими впоследствии.

На современной территории Вологодской обл. традиции бани прижились в Прионежье, в окрестностях Белого озера, в бассейне р. Ваги, в Великоустюгском и Никольском районах. Все эти районы в разное время или принадлежали к владениям Новгородской республики, или начинали заселяться словенами новгородскими.

"Печная" традиция на Вологодчине "простирается" в Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский и Тотемский уезды. Ее северная граница в XX в. проходила в районе Кубенского озера (деревня Мыс), на западе от него по южной оконечности Белого озера, и на востоке — на р. Сухоне в районе Нюксеницы и по самым верховьям Ваги. Район, где на Север включивается "печная" традиция был областью "низовской" (ростовской) колонизации, что подтверждается историческими документами и антропологическими материалами.

В работе достаточно подробно прослежены ареалы "печной" и "банной" традиций (распространение которых представлено и на картах) и даны соответствующие пояснения, каким образом они соотносятся с историей заселения края. В качестве дополнительного и иллюстративного материала приводятся некоторые местные "банные" обряды.

При рассмотрении *черной бани* отмечается, что в ее конструкции воспроизводятся некоторые элементы древнего жилища Северо-Запада России. Западнорусская внутренняя планировка, односкатная крыша, печь-каменка на низком подпечье соответствуют особенностям средневековых изб в районе Старой Русы или даже всего региона Приильменья.

К традициям старинного жилища в регионе Русского Севера нужно отнести прием кипячения воды раскаленными камнями. Таким способом нагревали воду в банях, а также им пользовались для кипячения сула при варке пива. Так как в древности печи-каменки сооружали и в жилищах, то их использовали для приготовления пищи. Подтверждением этому является сохранение в поминальной обрядности у населения Никольского у. Вологодской губ. приготовления овсяного или пшеничного киселя именно таким способом.

В продолжение темы о приготовлении пищи раскаленными камнями в работе рассматриваются *поварни* — небольшие постройки, использовавшиеся для варки пива. Территории, где были распространены поварни (Поморье, Важская земля, Никольский уезд), известны или как области новгородской колонизации, или как места пребывания новгородцев.

В третьей главе “Некоторые детали традиционной одежды у населения района Сухоны-Ваги” рассмотрены отдельные элементы народного костюма, имеющие происхождение из культуры населения других территорий.

Наиболее отчетливо в народной одежде в Тотемском и Вельском уездах проявляется пласт западнорусских культурных традиций (открытый Г.С. Масловой). Здесь обнаруживаются почти все детали т.н. *комплекса с полосатой шерстяной юбкой*, характерного для западных и юго-западных (Орловская, Курская, Смоленская) губерний России.

Кроме полосатых юбок в Поважье встречались *корсетки (безрукавки)*, аналогичные западнорусским и белорусским *шнуровкам* и *гарсетам*, также входившим в состав этого комплекса костюма. Встречался в важских селениях и особый вид сарафана, образовавшийся из слияния корсетки с полосатой юбкой, подобный известным в западнорусских землях.

Некоторые находки были сделаны при изучении традиционных женских рубах. Верхние части рубах — *воротушки*, тотемскими и никольскими крестьянками шились из белого холста, тогда как в соседних с ними уездах они были из пестряди или цветной покупной материи.

Среди музейных коллекций, поступивших из Вельского уезда, встречаются рубахи с круглой вставкой вокруг ворота — т.н. рубахи *круглолицы* более характерные для костюма жительниц деревень по р. Шексне и Белому озеру. Возможно, этого является свидетельством о каких-то переселениях на Вагу населения из пришекснинских районов.

Среди всего разнообразия рассмотренных на исследуемой территории сарафанов, все они прямого, круглого покроя, что указывает на их происхождение из центральных районов России. Примечательно, что в местном *сарафанном комплексе* женского костюма вместо *коротены* употреблялись т.н. *рукави* — короткие кофточка с рукавами.

Женские головные уборы были весьма разнообразны. Вполне возможно, что некоторые из них восходят еще к традициям дославянского населения. Новгородское влияние проявляется в бытовании девичьих уборов — *корун*.

В заключение работы изложены основные выводы и некоторые обобщения, возникшие в ходе работы над проблемой. В народной культуре все ее элементы имеют свою функцию и, когда появляется что-то новое, выполняющее ту же функцию эффективнее, то старую традицию, как правило, забывают. Исключения составляют случаи, когда новый элемент культуры не принимает на себя всех многочисленных функций, которые выполнял старый. Таким образом, например, в традиционной культуре населения Севера сосуществовали два способа пивоварения: в корчагах (для приготовления малого объема пива) и с помощью раскаленных камней (для больших объемов).

Народная культура XIX — начала XX века естественно не сохрани-

ла всех культурных элементов, которые существовали здесь с древнейших времен или "приносились" на протяжении многих веков волнами переселенцев. Однако, в ней присутствуют черты многих временных (хронологических) и миграционных культурных напластований.

По особенностям традиционной культуры в районах Поважья и Присухонья можно с довольно большой уверенностью установить, что среди славянских колонистов, осваивавших эти земли в древности, присутствовало три-четыре группы, разных по этнотерриториальному происхождению, тогда как наследие дославянского населения края среди поздних местных культурных традиций выявляется с большим трудом. Наиболее отчетливо здесь проявляется черты культуры словен новгородских и населения Ростово-Суздальской земли, что также соответствует имеющимся историческим, антропологическим, археологическим и диалектологическим данным о формировании местного населения. Местами встречаются и традиции западнорусских земель, но не в чистом виде, а как отдельные фрагменты в современной севернорусской культуре. Гораздо менее отчетливо просматриваются традиции юго-западных районов России, встречавшиеся в Поважье.

Выявленные и положенные на карты ареалы местных особенностей материальной культуры отражают различные этапы в заселении исследуемой территории. Существование в народном быту у населения разных районов каждой из этих особенностей связано не только с прежней этнокультурной принадлежностью обосновавшихся здесь в древности переселенцев, но и с определенными временными (хронологическими) наслоениями, демографическими факторами (численностью переселенцев), влиянием иных культурных традиций и разнообразными процессами культурогенеза. В связи с таким сложным, разнохарактерным развитием народной культуры, ареалы различных ее особенностей, являющихся наследием какой-либо одной древней этнической (субэтнической) группы, не имеют полного совпадения между собой в пределах исследуемой территории, а нередко и сильно расходятся.

Работы по теме диссертации:

1. Русская баня и старинный северный быт// Этнографическое обозрение. 1999. № 3. С. 35-51.
2. Волго-окские элементы в традиционной культуре Русского Севера// Русская народная культура и ее этнические истоки. Пошехонские чтения-99. 1-й семинар. М., 1999. С.69-73.
3. Древние этнокультурные пласты в народных традициях Русского Севера (в связи с заселением территории)// Славяне и их соседи. Межславянские

взаимоотношения и связи. Средние века — раннее Новое время. Сборник тезисов 18 международной конференции памяти В.Д. Корольюка. М., 1999. С. 48-50.

4. Различия в традиционном хозяйствовании в центральных уездах Русского Севера в XIX- начале XX вв.// III конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С. 82-83.

5. Новое в традициях питания сельского населения центральных районов Вологодской области в первой четверти XX века// III конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999. С.240-241.

6. Хозяйственные традиции вологодского крестьянства в XIX-XX вв.// Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 4. 1,0 п.л. (в печати).

7. Черты хозяйственно-культурного быта населения Вологодской земли// Научные чтения памяти Петра Андреевича Колесникова. (0,7 п.л.) (в печати).

8. Современные представления о потусторонних существах или духах мест// Традиционная культура. Научный альманах. 0,9 п.л. (в печати).

9. Мода и культурные круги// Материалы научно-практической конференции «Фольклор и художественная культура: история и современность». 0,3 п.л. (в печати).

10. О связи особенностей построек Кокшеньги с ее этнической историей// Угрюмовские чтения. Материалы второй научно-практической конференции. Вып. II. 0,3 п.л. (в печати).

11. Крестьянские постройки Поважья: происхождение и эволюция// Важский край на рубеже веков. 0,4 п.л. (в печати).

12. Традиционная пища населения Присухонья и Поважья как свидетельство этнической истории. 0,6 п.л. (подготовлено к печати).

13. Некоторые особенности жилых и хозяйственных построек крестьян в Присуханье и Поважье (XIX — нач. XX в.). 2,0 п.л. (подготовлено к печати).

© Институт этнологии и антропологии РАН
А.А.Желтов

Подписано в печать .05.2000. Формат 60 x 84 1/16
Объем 1,0 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 11

Участок оперативной полиграфии ИЭА РАН
117 334, Москва, Ленинский проспект, 32-А